

ГЛАВА 1

Я почувствовала себя плохо спустя час после того, как села в машину. Бок жгло огнем, но я решила этого не замечать. Забеспокоилась, только когда поняла, что нет сил держать руль. За несколько минут голова сделалась тяжелой, свет фар словно потускнел, и вскоре я вообще перестала осознавать, что веду машину. Мне стало казаться, будто я сижу на берегу моря в самый разгар дня. На пляже пусто, вода спокойная, но на шесте в нескольких метрах от береговой кромки развевается красный флажок. В детстве мама напугала меня, сказав: “Леда, не ходи купаться, когда на шесте красный флаг: он означает, что на море сильное волнение и ты можешь утонуть”. Страх так и остался у меня на долгие годы, и даже сейчас, хотя вода напоминала лист прозрачной бумаги, вытянувшийся до самого горизонта, я не решалась войти в море, мне было тревожно. Я сказала себе: схо-

ди искупайся, этот флаг просто забыли снять с шеста... сделала несколько шагов по песку, остановилась и, вытянув ногу, осторожно попробовала воду кончиками пальцев. И тут на вершине дюны появилась моя мать и окликнула меня, как будто я все еще была ребенком: “Леда, ты что делаешь? Не видишь, красный флажок висит?!”

В больнице, открыв глаза, я снова на долю секунды увидела, как стою в нерешительности у спокойного моря. Возможно, поэтому позднее у меня возникла уверенность, что это был не сон, а тревожное видение, длившееся до самого пробуждения в больничной палате. От врачей я узнала, что врезалась в заграждение, но без серьезных для себя последствий. Единственным существенным повреждением была рана в левом боку, происхождение которой у всех вызывало недоумение.

Ко мне примчались друзья из Флоренции, прилетели Бьянка и Марта, даже Джанни приехал. Я сказала, что уснула за рулем и съехала с дороги. Но сама-то хорошо знала, что сон тут ни при чем. Первопричиной стал мой невольный поступок, и именно потому, что он был совершен неосознанно, я решила никому о нем не говорить. Сложнее всего рассказать о том, чего сами мы толком не понимаем.

ГЛАВА 2

Когда мои дочери переехали в Торонто, где уже много лет жил и работал их отец, я с удивлением и легким смущением обнаружила, что совершенно не страдаю, а наоборот, чувствую необычайное облегчение, как в тот момент, когда произвела их на свет. В первый раз за без малого двадцать пять лет я больше не испытывала тревоги за них, не должна была о них заботиться. Дом как будто стал необитаем: в нем царил полный порядок, и меня не донимали мысли о том, что пора что-то купить, что-то постирать; женщина, много лет помогавшая мне по хозяйству, нашла более прибыльную работу, а я стала искать ей замену.

У меня осталась только одна обязанность перед моими девочками — раз в день звонить им и интересоваться, как они себя чувствуют и как у них дела. Хотя в действительности они поселились у отца,

по телефону обе общались со мной так, как будто уже нашли себе отдельную квартиру: они привыкли даже на словах держать нас с отцом вдали друг от друга и говорили со мной так, будто его не существует вовсе. На вопросы о том, как они живут, отвечали либо весело и уклончиво, либо мрачно и раздраженно, с тяжелыми паузами, либо неестественным тоном — когда находились в компании друзей. Сами они тоже часто мне звонили, особенно Бьянка, которая всегда была более настойчива и требовательна ко мне, — но только чтобы выяснить, подойдут ли синие туфли к оранжевой юбке, не могу ли я найти листки с записями, оставленными в такой-то книге, и срочно ей отправить, и готова ли я, как обычно, терпеть вспышки их злости, переживать вместе с ними их неудачи, даже теперь, когда мы живем на разных континентах и нас разделяет огромное небо. Звонки почти всегда были короткие, торопливые, реплики — искусственные, как в кино.

Я делала то, о чем они просили, отвечала так, как они от меня ожидали. Но поскольку из-за пролежавшего между нами расстояния я физически не могла повлиять на их жизнь, а удовлетворять их желания и капризы мне теперь приходилось реже и я уже не несла за это ответственности, все их просьбы казались мне приятными мелочами, а каждое их поручение — обычным проявлением нежности. Я чудесным образом обрела свободу — словно наконец завершила трудную работу и она больше не давит на меня.

Теперь я жила без оглядки на их расписание и их потребности. Ночью правила студенческие ра-

боты и слушала музыку, ложилась спать в берушах, вставала далеко за полдень. Ела один раз в день в одной и той же трагтории — в цокольном этаже нашего дома. Во мне произошли стремительные перемены — в манере одеваться, настроении, даже во внешности. Меня совершенно перестали раздражать и слишком глупые студенты, и несносные умники. Один мой коллега, с которым мы несколько лет встречались и изредка занимались сексом, как-то вечером смущенно заметил, что я стала более внимательной к нему и более щедрой на ласки. За несколько месяцев я изрядно похудела и вновь стала стройной, как в молодости, у меня возникло ощущение, что я набираюсь сил; к тому же я начала быстрее и лучше соображать. Однажды вечером я посмотрела на себя в зеркало. Мне было сорок семь, до сорока восьми оставалось всего четыре месяца, но я заметила, что, словно по волшебству, сбросила порядочное количество лет. Не знаю, обрадовало меня это или нет, но уж точно удивило.

Именно пребывая в этом состоянии довольства, в начале июня я захотела в отпуск и решила, что, как только разберусь с экзаменами и бесконечными отчетами и прочей бюрократией, сразу же поеду к морю. Поискала в интернете, изучила фотографии и цены. И в итоге сняла с середины июля до конца августа маленькую, симпатичную и к тому же недорогую квартиру на Ионическом побережье. Но уехать мне удалось только двадцать четвертого июля. Я не спеша отправилась в путь на машине, нагруженной в основном книгами: мне нужно было

подготовить курс на следующий учебный год. День был прекрасный, в открытые окошки врвался насыщенный ароматами воздух, я чувствовала, что свободна и что мне за это не стыдно. Однако на полпути, когда я заправляла машину, мною овладело беспокойство. Раньше море мне очень нравилось, но вот уже лет пятнадцать пребывание на солнце раздражало меня, я быстро от него уставала. Квартира наверняка окажется ужасной, вид на море — узким ломтиком синевы между неприглядными хозяйственными постройками. Скорее всего, я буду страдать от жары и оглушительной музыки, доносящейся из ночных клубов. Остаток пути я пребывала в мрачном настроении, размышляя о том, как славно могла бы провести летние недели дома, в тишине, работая в свое удовольствие и дыша прохладным кондиционированным воздухом.

Я приехала на место, когда солнце склонялось к закату. Курортный городок показался мне довольно красивым, звуки голосов — мягкими, запахи — приятными. Меня уже поджидал пожилой мужчина с густой белоснежной шевелюрой: он был радушен и в то же время почтителен. Для начала он выразил желание угостить меня кофе в баре; затем с улыбкой, но решительно дал понять, что не позволит мне самой донести до квартиры ничего, кроме дамской сумочки. Задышавшись, он втащил на четвертый, последний, этаж всю мою поклажу и поставил ее у порога скромного жилища, состоящего из спальни, крошечной кухни без окон, смежной с ванной комнатой, и гостиной с панорамными окнами и террасой, от-

куда виднелись окутанные сумерками берег с торчащими языками скал и бескрайнее море.

Мужчину звали Джованни. Он не был хозяином квартиры, скорее кем-то вроде сторожа или консьержа; однако он не взял у меня чаевых и даже немного обиделся: он просто соблюдал законы гостеприимства, а я этого не поняла. Когда Джованни, удостоверившись в том, что меня все устраивает, наконец ушел, я увидела на столе в гостиной большое блюдо, полное персиков, слив, груш, винограда и инжира. Фрукты переливались красками, словно натюрморт.

Я перенесла плетеное кресло на террасу, посидела там некоторое время, любуясь вечером, медленно опускавшимся над морем. Много лет мы ездили к морю только потому, что у девочек наступали каникулы, а когда они подросли и стали путешествовать по миру с друзьями, я всегда сидела дома и ждала их возвращения. Конечно, меня тревожили возможные катастрофы — ведь летать на самолете очень опасно, плавать на кораблях еще хуже, а война, землетрясение или цунами вообще могут случиться в любой момент, — но не только они. Я беспокоилась о том, что у девочек хрупкая нервная система, что они могут не поладить с товарищами по путешествию, что они не застрахованы от душевных травм из-за неразделенной любви... или, наоборот, слишком легко разделенной. Я старалась всегда быть готовой ответить на неожиданную просьбу о помощи, боялась, что они, как это часто бывало, обвинят меня в том, что я невнимательна, что в нужный момент меня никогда нет, что я занята только со-

бой. Но теперь с этим покончено. Я встала и отправилась в душ.

Вскоре, поняв, что проголодалась, я подошла к блюду с фруктами. И сразу обнаружила, что инжир, груши, сливы, персики, виноград, на вид такие красивые, уже перезрели, начали портиться. Я взяла нож, вырезала большие черные пятна, но почувствовала отвращение к этому запаху, этому вкусу и выбросила почти все в мусорную корзину. Конечно, можно было выйти из дома, поискать ресторан, но от усталости я расхотела есть и меня стало клонить в сон.

В спальне было два больших окна, и я распахнула их, выключив свет. Снаружи время от времени вспыхивали в темноте лучи фар, на несколько мгновений озаряя комнату. Нельзя приходить вечером в незнакомое помещение, где очертания нечетки и запросто может случиться все что угодно. В халате, с мокрыми волосами, я улеглась на кровать и уставилась в потолок, ожидая, когда по нему снова скользнет свет и он станет ослепительно белым. Услышала далекий шум лодочного мотора, потом тихое пение, похожее на мурлыканье кота. Все было смутно, размыто. Сонная, я повернулась на бок и коснулась какого-то предмета, лежавшего на подушке: что-то холодное, будто обернутое в веленевую бумагу.

Я включила свет. На белоснежной наволочке сидело какое-то насекомое длиной три или четыре сантиметра, похожее на большую муху. Темно-коричневое, с перепончатыми крыльями, неподвижное. Я сообразила, что это цикада, и подумала, что она, быть может, сдохла прямо на моей подушке. Трону-

ла ее краешком халата. Цикада шевельнулась, но тут же снова замерла. Самец или самка? У самки на животе нет эластичных мембран, а потому она не поет, она немая. Меня передернуло от отвращения. Цикады не так уж безобидны, они ранят своими хоботками оливы, прокалывают кору белого ясеня и высасывают соки. Я осторожно взяла подушку, подошла к окну и стряхнула насекомое. Так и начался мой отпуск.